

Е.А. Лукашева. ЧЕЛОВЕК, ПРАВО, ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОРМАТИВНО-ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. М.: НОРМА, 2009. 383 с.

С начала 90-х годов цивилизационный подход, при всей многозначности в общественном сознании, становится все более востребованным в отечественных отраслях знания, образовании и культуре, хотя его и пытались “скрещивать” с формационным – с большей или меньшей долей нелепости. С помощью новой познавательной парадигмы пытались решать разнообразные задачи в области различных гуманитарных наук, за исключением, как ни странно, юриспруденции.

Отчасти это было связано с тем, что известный французский ученый Н. Рулан вполне обоснованно объяснял “блестящей изоляцией” права, сводящей его к чистой технике, когда право подается юристами как свод норм, несущих в самих себе смысл и способ эволюции”¹, как свод самостоятельных и самостоятельных норм.

Однако времена меняются. Растущий интерес к социокультурным и цивилизационным аспектам в исследовании права – свидетельство уже отмечавшейся в философско-правовой литературе “ремифологизации” права: оно как будто вспомнило о своем изначальном родстве с религией, нравственностью и метафизикой и стремится возродить эти родственные связи, видя свои первостепенные задачи в воссоединении относительных ценностей позитивного права с универсалиями и абсолютами культурного космоса как единого целого, в универсальном синтезе различных цивилизаций и культур. Подтверждением тому служит конференция “Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов”, проведенная секцией философии, социологии и права РАН по инициативе Института государства и права РАН в декабре 2009 г.

В этом отношении работа выдающегося ученого в области прав человека и теории права и государства, чл.-корр. РАН Е.А. Лукашевой “Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение” (М., 2009) представляет собой серьезнейший прорыв в теории права, сразу же расширивший методологические горизонты российского правоведения. В современной России, на переломном этапе ее исторического развития такой подход особенно важен для осмысления сложных и противоречивых процессов формирования гражданского общества и правового государства. И этому есть несколько причин.

Осмысление столь быстрой и “двойной инверсии”, как крах реформ радикального либерализма (после быстротечного периода “бури и натиска”), предполагавших несомненный переход России к экономически развитым странам Запада, оказалось довольно сложным делом.

Хорошо знакомые, но пока еще устойчивые формулы, объясняющие этот факт, сводятся к категорическим утверждениям о “принципиальной неререформируемости” и строя, и общества, и народа России.

Инвариантом таких инверсионных утверждений в юридической литературе являются не менее категорические утверждения о том, что “право и государство – это феномен

западного мира, а не восточного”. Россия же в этом смысле занимает лишь некоторое промежуточное, “полуправовое” положение. “Во всяком случае правовая свобода, права человека в либертарно-юридическом понимании отнюдь не являются высшей ценностью для большинства субкультур России”².

Одной из оппозиций подобного рода радикальным и неотрефлексированным взглядам в юридической науке, составляющим едва ли не предмет веры, выступают еще менее адекватные потребностям научного знания о праве представления о нем как о “благодати Святого духа” и о Православии “как стяжании благодати Святого духа и религиозной основе права России”³ с явно антилиберальной, антизападной составляющей. Эти и подобные им формы исторической самоидентификации, являющиеся, по справедливому замечанию специалистов, результатом игнорирования различий между додисциплинарными и дисциплинарными подходами, а также религиозными концепциями, философскими и конкретно-научными формами знания⁴, могут лишь дезориентировать юристов в отношении того, что же представляет собой право в действительности.

Таким образом, идеологический пейзаж того поля, на котором сегодня ведут исследования права отечественные юристы, оказался усеянным самыми разнородными, подчас несовместимыми идеологическими конструкциями и мифологемами права.

Поэтому на практике мы давно уже не спрашиваем себя, что следует утверждать и отстаивать в качестве права, а пользуемся термином “право” чаще всего в духе привычного юридического позитивизма.

Все это требует разработки новых подходов в философии, социологии и теории права, опирающихся на более широкое видение права, в том числе как социокультурного явления и неотъемлемого элемента любой цивилизационной системы.

Рецензируемая книга Е.А. Лукашевой является первым в отечественном правоведении научным произведением, в котором применено нормативно-ценностное измерение цивилизации, что позволяет выявить место и значение права, прав человека, института власти в различных локальных мировых цивилизациях.

Избрав для исследования цивилизаций метод нормативно-ценностного измерения, но постоянно ориентируясь на право, права человека и связанное с ними политическое устройство общества, автор в первой части своей работы успешно решает задачи раскрытия природы нормативности, взаимовлияния и взаимодействия религии, нравственности,

² Четвернин В.А. Современная либертарно-юридическая теория // Ежегодник либертарно-юридической теории. Вып. 1. М., 2007. С. 5, 6.

³ Сорочкин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 229.

⁴ См.: Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. М., 2007. С. 20.

¹ Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 10.

политики с правом, правами человека, государственно-правовыми установлениями, прослеживает специфику этого взаимодействия в различных цивилизациях (индийской, китайской, исламской). “Отсюда различия в содержании и значении правовых понятий равенства, прав человека, свободы, справедливости, которые являются не только нравственной, но и правовой категорией”, – указывает автор (с. 178). Тем самым развенчивается, в частности, весьма популярный в западной юридической литературе тезис о том, что в случае фундаментальных прав речь идет о правовых нормах, которые должны соблюдаться, но которые не требуют никакого нравственного, культурного или политического присоединения к выражаемым ими ценностям (Л. Феррайоли и др.).

Вторая часть работы посвящена исследованию характера и природы российской цивилизации, выявлению ее самобытного характера, потребовавшему также рассмотрения российской государственности, права, религии, нравственных устоев в историческом аспекте. А это безмерно трудная задача.

Основная трудность не столько в выявлении универсальных черт либо особенностей прав человека и иных правовых и государственных явлений в стране, сколько в установлении интегрированности этнических, конфессиональных, культурных конгломераций российской цивилизации и, соответственно, ее нормативно-ценностных компонентов, включая мораль, право, особенно в условиях “пограничья” российской культуры.

Исследование российской государственности, права, религии, нравственных устоев в историческом аспекте, предпринятое во второй части описываемого произведения, позволяет установить, что чрезвычайно сложное и крайне противоречивое, но целостное цивилизационное устройство России нельзя отнести к “простому скопленению в одном месте культурных объектов, ценностей, свойств, случайно очутившихся рядом и **объединенных лишь внешне своим соседством**” в государственном пространстве, т.е., по мысли П.Сорокина, не являющихся единым целым, в отличие от “интегрированных культурных конгломераций”⁵. А формулируемый автором вывод о том, что в социокультурной системе российской цивилизации государственность “выступает важнейшим системообразующим фактором, скрепляющим всю нормативную систему, все ее компоненты (с. 225), на наш взгляд, еще не дает оснований полагать достаточно обоснованной, ставшей модной в новейшей исто-

рико-философской литературе мысль о том, что основанием той целостности, которой стала российская цивилизация, “ее единой и единственной матрицей” являлась исключительно российская государственность, избавлявшая огромный и **искусственный** конгломерат этнических и конфессиональных общностей от распада и тягостной локальной ограниченности и местничества, от взаимных распрей и междоусобиц.

Говоря о признаках и “скрепах”, удерживающих Россию в рамках целостной, самобытной цивилизации, автор подвергает аргументированной критике нередко встречающуюся характеристику российско-исторической общности как “недоцивилизации”, остановившегося в своем развитии “межцивилизационного пространства” и т.п. (с. 367), хотя отмечает, что, в отличие от иных цивилизаций, религия в российском обществе не является “скрепляющей скрепой”, удерживающей страну от глубокого раскола – социального, психологического и культурного (с. 379).

В работе формулируется справедливый вывод о том, что главной проблемой реформирования России и обретения ее цивилизацией персоналистической направленности является преодоление указанного раскола, неизбежно отражающегося на всех иных аспектах социокультурной системы: праве, законности, нравственности.

И здесь перед государством, как правильно подчеркивается в работе, стоят сложнейшие задачи формирования социального государства и “выравнивания социальных неравенств”, неотделимых от устойчивого роста экономики, основанного на совершенствовании производства, инновационном процессе и повышении профессионализма участников производственных процессов.

Выход в свет книги Е.А. Лукашевой “Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение” – одно из крупнейших событий в сфере формирующихся отечественных социокультурных (цивилизационных) исследований права, которое будет по достоинству оценено учеными и практиками, всеми теми, кто интересуется проблемами соотношения права, прав человека и (социокультурных) цивилизационных факторов в крайне сложной и драматичной ситуации, складывающейся в условиях самоопределения России в контексте модернизации в глобализирующемся мире.

Мурат Абдыкасымович Супатаев, ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, канд. юрид. наук (E-mail: iggran@iggran.ru; тел.: (494) 691-34-90)

⁵ Подробнее о формах культурной интеграции см.: *Sorokin P. Social and Cultural Dynamics. Ch. 1. Boston, 1957.*